

Степанов Михаил Петрович

**Храм-усыпальница великаго князя Сергея
Александровича во имя преподобнаго
Сергия Радонежскаго в Чудовом монастыре
в Москве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М69

М69 **Михаил Петрович С.**
Храм-усыпальница великого князя Сергея Александровича во имя преподобного Сергия Радонежского в Чудовом монастыре в Москве / Степанов Михаил Петрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 272 с.

ISBN 978-5-519-75439-2

ISBN 978-5-519-75439-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

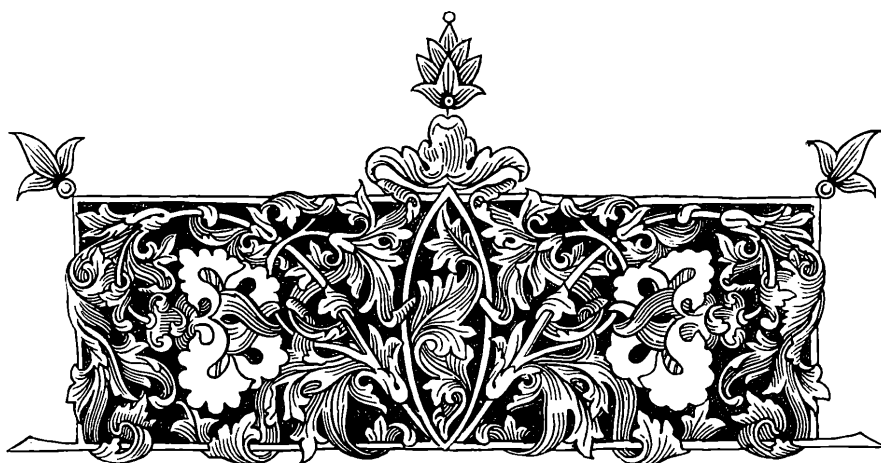
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Храмъ-Усыпальница.



ХРАМЪ-УСЫПАЛЬНИЦА.

Усыпальница Великаго Князя Сергѣя Александровича сооружена въ нижнемъ покоѣ Чудова монастыря, подъ храмомъ святаго чудотворца Алексія, митрополита Всероссійскаго. Храмъ Святителя Алексія, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ нынѣ существуетъ, созданъ въ 1680—1686 годахъ: постройка его начата при царѣ Θεодорѣ и окончена при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, въ патріаршество Іоакима и при архимандритѣ Чудовской обители Адріанѣ. Зданіе было сооружено вновь по чертежу царя Θεодора Алексѣевича и на царское иждивеніе. При входѣ въ храмъ, есть надпись: „Лѣта 7188 (1680) мѣсяца августа начаты были созидаться святыя храмы во славу Всетворца Бога, первый храмъ въ честь Приснопѣтыя Богоматери Дѣвы Маріи, славнаго Ея Благовѣщенія, второй святаго первозваннаго Апостола Андрея, третій—святаго чудотворца Алексія митрополита Всероссійскаго, идѣже и мощи его; вси убо съ трапезами и подъ ними съ монастырскими службами“. Эти послѣднія слова: „подъ ними съ монастырскими службами“—свидѣтельствуютъ, что нижніе покои, съ самаго начала, были предназначены для хо-

злѣйшихъ цѣлей; и, дѣйствительно, позднѣйшія монастырскія описи указываютъ, что здѣсь находились погреба и палаты: житенная, капустная и истопничная, гдѣ были печи. Житенная палата находилась какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ сооружена Усыпальница. Въ описи монастырской 1701 года (стр. 350) читаемъ: „подъ Чудотворцемъ церковная полата, а въ ней, по осмотру и по смѣтѣ, и житенной сказалъ: ржанной муки четвертей со ста, грешневой муки четвертей съ три“.... и т. д. „Да подлѣ той же полаты, полата мукосѣнная, а въ ней муки ржанной четвертей стридцать“... Изъ этой описи, составленной черезъ 15 лѣтъ послѣ освященія храма св. Алексія, мы узнаемъ, что подъ храмами Благовѣщенія и св. чудотворца Алексія были три палаты; въ двухъ изъ нихъ, упомянутыхъ выше и находящихся подъ храмомъ Святителя, и сооруженъ Храмъ-Усыпальница въ Бозѣ почившаго, злодѣйски убиеннаго Великаго Князя Сергѣя Александровича.

Половина наружной, южной стѣны этихъ палатъ служить, одновременно, сѣверной стѣной Малаго Николаевского Дворца, который, какъ извѣстно, составлялъ въ XVII в. обширный дворъ боярина Бориса Ивановича Морозова, а въ 1677 году былъ отданъ Чудову монастырю.

Третья палата, подъ Благовѣщенскимъ храмомъ, выходящая окнами на монастырскій дворъ, обращена нынѣ въ монастырскую библіотеку.

До утвержденія штатовъ въ 1764 году Чудовъ монастырь былъ очень богатъ, имѣлъ много угодій и около 18.000 душъ крестьянъ; братія его доходила до 300 человекъ. Для кормленія насельниковъ обители и приходящихъ, обитель изъ своихъ угодій имѣла большіе запасы; отсюда являлась потребность въ службахъ для хранения ихъ, для устройства кузни, слесарни и пр.; для нихъ и были отведены всѣ нижнія палаты новаго церковнаго зданія. Когда же у монастыря имѣнія были отобраны, то хозяйство обители пришло въ упадокъ, количество братіи стало уменьшаться, кладовыя запустѣли и службы въ нижнихъ палатахъ остались безъ употребленія. Съ конца XVIII в. мы не находимъ указаній, что было въ нихъ; старики, помнящіе Чудовъ монастырь за 50 лѣтъ назадъ, говорятъ,

что нижнія палаты, подъ Благовѣщенскимъ и Алексѣевскимъ храмами, всегда пустовали, и лишь иногда складывались тамъ дрова и всякая монастырская рухлядь.

Храмъ - Усыпальница сооруженъ по предположеніямъ Павла Васильевича Жуковского¹⁾.

Первоначальныя работы возложены были на архитектора Высочайшаго Двора, Академика Архитектуры В. П. Загорскаго.

Когда приступили къ работамъ, обѣ палаты, предназначенныя для Храма-Усыпальницы, имѣли видъ сараевъ съ земляными насыпными полами, кирпичными избитыми стѣнами и съ кирпичными сомкнутыми сводами; въ нихъ хранились дрова, доски и прочіе предметы. Изъ двухъ покоевъ, западный былъ безъ оконъ, а восточный имѣлъ въ стѣнѣ три окна, выходящія на внутренній дворъ Николаевского Дворца. Покои раздѣлялись толстой стѣной съ проходомъ въ серединѣ. Изъ западнаго покоя велъ проходъ въ помещенія подъ Благовѣщенскимъ храмомъ, а изъ нихъ былъ выходъ во дворъ обители.

Въ Николаевскомъ Дворцѣ, къ стѣнѣ общей съ покоями монастыря, предназначенными для Усыпальницы, прилежали помещенія въ два яруса: въ нижнемъ ярусѣ, со сводомъ, была комната для дневальной прислуги; въ верхнемъ—дворцовыя кладовыя.

Строительныя работы, для приспособленія означенныхъ двухъ сараевъ къ устройству Храма-Усыпальницы, состояли въ слѣдующемъ.

Въ южной стѣнѣ западнаго сарая пробить одинъ оконный пролетъ на Царскую площадь, для дневнаго освѣщенія Усыпальницы. Въ противоположной стѣнѣ, гдѣ былъ проходъ въ помещенія подъ Благовѣщенскимъ храмомъ, проходъ задѣланъ и пробить дугообразный пролетъ для устройства въ толщѣ стѣны впадины надъ надгробіемъ (ниша); надъ пролетомъ сдѣланъ кирпичный сводикъ продолговато-круглаго вида; стѣны углубленія (ниши), по полу-

¹⁾ По рисункамъ П. В. Жуковского построенъ въ Кремлѣ памятникъ Императору Александру II-му.

круглому основанію, сложены изъ краснаго кирпича и надъ ними выведенъ полушарообразный бетонный сводъ. Въ этомъ мѣстѣ, подъ поломъ, устроена могила—склепъ; стѣны склепа сложены изъ краснаго кирпича и облицованы эстляндскимъ мраморомъ; надъ нимъ выведенъ бетонный сводъ по желѣзнымъ балкамъ; полъ бетонный и застланъ плитами эстляндскаго мрамора; склепъ прикрывается, съ южной стороны, желѣзнымъ притворомъ въ желѣзной рамѣ. Послѣ погребенія останковъ Великаго Князя, отверстіе въ полу храма задѣлано бетонными плитами и по нимъ настланъ полъ изъ мраморныхъ плитъ. Могила и надъ ней впадина въ стѣнѣ надъ надгробіемъ находятся въ Усыпальницѣ какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ Алексѣевского храма, гдѣ, надъ сводомъ Усыпальницы, стоитъ рака съ мощами Святителя Алексія.

Для устройства алтаря пробить въ стѣнѣ, разделяющей оба покоя, гдѣ былъ проходъ, сводчатый, дугообразный пролетъ и надъ нимъ сложенъ кирпичный сводъ; южнѣе его, у самой южной стѣны, пробить въ толщѣ стѣны другой, узкій сводчатый, дугообразный пролетъ для прохода изъ храма въ ризницу, подъ которую отведенъ восточный покой. Стѣны алтаря, по полукруглому основанію, сдѣланы бетонныя съ полушаровиднымъ бетоннымъ сводомъ (куполомъ). Въ бетонной алтарной стѣнѣ, въ юго-восточной ея части, для выхода въ ризницу, сдѣланъ дверной пролетъ.

Для входа въ храмъ, со стороны проѣздныхъ воротъ монастыря, въ западной стѣнѣ пробить дверной пролетъ съ полукруглымъ верхомъ и обдѣланъ полувалами изъ бетона.

Для входа въ храмъ изъ Николаевского Дворца, въ южной, общей съ Дворцомъ, стѣнѣ, восточнѣе оконнаго пролета, пробить дверной пролетъ.

Земляной полъ въ храмѣ и ризницѣ, вслѣдствіе его слабости, могъ дать неравномѣрную осадку; поэтому онъ былъ уплотненъ утрамбовкой его, по уровню, слоями кирпичнаго щебня; послѣ уплотненія сдѣлано бетонное основаніе изъ раствора портландскаго цемента и по нему настланы въ храмѣ мраморныя плиты.

Послѣ пробитія вышеозначенныхъ кирпичныхъ дугообразныхъ сводиковъ, выше пять свода храма, оказалось, что пазухи сомкну-

таго свода не задѣланы кирпичемъ; для основанія пола верхняго Алексѣевского храма, со стѣны на сводъ сложены кирпичные сводики, которые во многихъ мѣстахъ оказались обвалившимися. Для устраненія осадки и обвала, мѣстами, пола этого храма, были подведены подъ вышеупомянутые кирпичные сводики новые сводики изъ краснаго кирпича на растворѣ изъ портландскаго цемента.

Избитыя кирпичныя стѣны нижнихъ покоевъ съ обвалившимися кирпичами были облицованы, во многихъ мѣстахъ, краснымъ кирпичемъ на растворѣ изъ портландскаго цемента; затѣмъ стѣны и сводъ оштукатурены тѣмъ же растворомъ.

Размѣры храма вышли: 3,8 саж. на 4,8 саж., высота 2,4 саж. Размѣры ризницы: 2,9 саж. на 4,8 саж., при чемъ разстояніе между вдающейся въ ризницу части наружной алтарной стѣны до наружной (восточной) стѣны ризницы—1,8 саж. Длина алтаря 2,7 саж., ширина 1,4 саж.

Въ Николаевскомъ Дворцѣ, въ той его части, которая прилегаетъ къ Чудову монастырю, уничтоженъ сводъ, раздѣлявшій ее на два яруса, и здѣсь устроена лѣстница, ведущая изъ верхнихъ покоевъ Дворца въ Усыпальницу. На верху, въ проходѣ изъ Дворца въ Алексѣевскій храмъ монастыря, въ восточной стѣнѣ пробить дверной пролетъ на лѣстницу. Лѣстница построена каменная изъ эстляндскаго мрамора, съ двумя площадками; перила изъ кованнаго желѣза, съ украшеніями и дубовымъ поручнемъ. Стѣны этого помѣщенія облицованы краснымъ кирпичемъ на растворѣ изъ портландскаго цемента. Своды выведены бетонные по желѣзнымъ балкамъ. Для освѣщенія лѣстницы дневнымъ свѣтомъ, вверху, въ наружной восточной стѣнѣ, сдѣланъ оконный пролетъ съ колодами и переплетами: снаружи желѣзный переплетъ съ желѣзной рамой, внутри деревянной переплетъ съ деревянной рамой; въ наружные переплеты вставлены бемскія стекла, а во внутренніе, со стороны лѣстницы, рубчатыя (прессованныя). Стѣны и сводъ оштукатурены и окрашены.

Когда эти работы были окончены, дальнѣйшее наблюденіе за исполненіемъ предположеній П. В. Жуковскаго было возложено на архитектора Академика Р. И. Клейна.

Въ 1906 году появилась въ „Московскомъ Голосѣ“¹⁾ статья Д. Х.,—„Изъ области церковнаго искусства“, въ которой помѣщены впечатлѣнія отъ Храма-Усыпальницы, хотя, въ то время, храмъ не былъ еще вполне довершенъ. Приводимъ изъ нея выдержки.

Осуждая нынѣшнее направленіе въ церковномъ искусствѣ, Д. Х. говоритъ: „тѣмъ отраднѣе, когда можно имѣть случай отмѣтить въ нашей художественной лѣтописи крупное произведеніе искусства, хотя очень скромное по размѣрамъ, расцвѣтшее на почвѣ дорогой для народа церковности, и если въ этомъ отрадномъ явленіи и звучить одна грустная, за душу хватающая нота, то это отъ того, что самое произведеніе искусства посвящено молитвенному воспомина-нію о безвременно и невознаградиво для Россіи злодѣйски убиенномъ Великомъ Князѣ Сергѣѣ Александровичѣ, столь искренно любившемъ Россію и все русское, съ русскимъ православіемъ и церковностью на первомъ мѣстѣ. Мы говоримъ о еще не открытой и не совсѣмъ въ подробностяхъ довершенной церкви, его усыпальницѣ, устроенной въ нижнемъ помѣщеніи Чудова монастыря“.

„Какъ отратно связать память почившаго Великаго Князя, этого горячаго цѣнителя русскаго искусства вообще, а церковнаго въ особенности, съ такимъ церковно-художественнымъ произведеніемъ, въ которомъ одновременно сдѣлали (по нашему мнѣнію) большой шагъ двѣ отрасли искусства—архитектура и живопись. Его память, этимъ путемъ, можетъ считаться связанной съ судьбами отечественнаго религіознаго искусства“...

„Усыпальница Великаго Князя Сергѣя Александровича занимаетъ помѣщеніе, состоящее изъ центрального квадрата²⁾ съ низко начинающимся сводомъ, по срединѣ, достигающимъ, однако, довольно значительной высоты³⁾. Къ этому центральному помѣще-

¹⁾ Московскій Голосъ 1906 г. № 32 п 34.

²⁾ Центральная часть не составляетъ собственно квадрата, а четырехугольникъ, имѣющій въ длину 4,8 с. и въ ширину 3,8 с. М. С.

³⁾ Въ 2,4 с. Этотъ низко начинающійся сводъ, въ небольшомъ сравнительно храмѣ, устроенномъ въ полуподвальномъ помѣщеніи, придаетъ Усыпальницѣ образъ катакомбнаго храма и переноситъ въ древнія времена, когда первые христіане имѣли обыкновеніе устраивать усыпальницы въ подземельяхъ или пещерахъ, гдѣ у гробовъ мучениковъ возникали первоначальныя христіанскія церкви. М. С.

нію примыкаетъ, слѣва отъ входа¹⁾, большая, полукруглая ниша, заложенная золотой мозаикой,—ниша, въ которой помѣщается мраморное бѣлое надгробіе-саркофагъ. Алтарь помѣщается въ узкой и длинной нишѣ, заканчивающейся абсидой. Алтарная ниша вполне закрыта иконостасомъ, не достигающимъ, однако, до свода. Затѣмъ, направо отъ входа, дверь, ведущая въ Николаевскій Дворецъ, и еще правѣ продѣлано въ толщѣ стѣны окно, которое одно освѣщаетъ всю церковь не сильнымъ и не недостаточнымъ свѣтомъ. Вся нижняя часть стѣнъ (ниша саркофага) обложена мозаичною панелью съ архаическимъ украшеніемъ, изображающимъ драпировку со складками.²⁾ Этотъ мотивъ повторяется почти во всѣхъ старинныхъ нашихъ церквахъ.“

„Въ нижнемъ, готовомъ, помѣщеніи архитектору предоставлялось для творчества только одно—это иконостасъ; но его надо было создать въ духѣ, гармонирующемъ съ даннымъ помѣщеніемъ, что иной разъ труднѣе, чѣмъ создать все съ основанія. Въ томъ, что намъ далъ, какъ иконостасъ для этого храма, г. Жуковскій, заключается то утѣшительное художественное явленіе, которое намъ такъ отрадно отмѣтить.“

„Когда вы впервые взглянете на этотъ иконостасъ, васъ сразу поражаютъ, съ одной стороны, его оригинальность, а съ другой, одновременно, его совершенная не чуждость для глаза, привычнаго все таки къ совершенно иному въ этой области. Это очень важная черта, ибо въ домѣ церковномъ, въ которомъ такую большую роль играетъ „привычность“ и къ устройству, и къ декораціи, и къ самому богослуженію, все, что сразу переноситъ молящагося въ совершенно чуждое, хотя бы, можетъ быть, и прекрасное—не желательно, ибо оно прежде всего развлекаетъ, тогда какъ въ молитвенной обстановкѣ все должно способствовать сосредоточенію. Менѣе, чѣмъ гдѣ либо, въ обиходѣ церковномъ допустимы рѣзкія новшества; конечно, церковное и во внѣшнемъ не обязано замирать на одной какой нибудь точкѣ, но если и церковное искусство должно двигаться, то пусть оно движется

¹⁾ Входъ въ западной стѣнѣ изъ-подъ воротъ Чудова монастыря. М. С.

²⁾ Табл. I.

такъ, чтобы не смущать молящихся совершенно необычной картиной для глазъ и чуждыми впечатлѣніями для слуха. Если же и желательно поступательное движеніе въ области нашего, до невѣроятности упавшаго, церковнаго искусства, то, конечно, самое важное это то, чтобы это поступательное движеніе было строго согласовано съ церковной, правильно, осмысленно, а не рабски понятой традиціей и, затѣмъ, чтобы оно было въ духѣ художественныхъ запросовъ русскаго человѣка, которые такъ ясно выражались издавна постепеннымъ, все болѣе и болѣе обрисовывающимся отклоненіемъ отъ византіиства, отъ котораго хотя и само христіанство у насъ пошло, но съ которымъ у насъ никогда не было внутренней близости“. —

Развивая далѣе причины, почему чисто архитектурный византійскій иконостасъ не могъ удовлетворять вкусу русскаго богомольца, которому болѣе нужно было то, на что молиться, нужны были изобилующіе иконами иконостасы, что привело къ громаднымъ иконостасамъ, покрытымъ сверху до низу образами, къ *глухимъ иконостасамъ*, Д. Х. приходитъ къ заключенію, что, съ другой стороны, нельзя и долѣе стоять на почвѣ „*глухихъ иконостасовъ*“, почти безформенныхъ, какими часто отличаются наши русскіе храмы, и говорить: „и вотъ тутъ-то, въ этой дилеммѣ, выказался весь творческій полетъ создателя иконостаса, о которомъ идетъ рѣчь, основанный при этомъ на живомъ, а не подражательномъ усвоеніи всѣхъ тѣхъ мотивовъ строительныхъ, которые намъ даютъ наиболѣе сходные намъ стили—византійскій, такъ называемый ломбардскій, романскій. Усвоивъ всѣ эти мотивы, но переработавъ ихъ въ совершенно своеобразномъ духѣ, который смѣло можно назвать русскимъ, г. Жуковскій создалъ нѣчто совершенно новое, свое, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорящее краснорѣчиво русской душѣ, потому что онъ такъ же по русски понималъ свою задачу, какъ, напр., зодчіе наши XVII вѣка, которые обогатили архитектуру зданіями совершенно своеобразно русскими, хотя составныя части, орнаменты и болѣе чѣмъ одни орнаменты, видимо заимствованы съ запада, благодаря сильному съ онымъ сближенію—результату смутнаго времени. Въ иконостасѣ П. В. Жуковскаго главное—это необычно-